

Романы Анель Ким

*Моему мужу, другу и отцу моих детей —
за веру в меня, поддержку и вдохновение*

Глава 1

Южная Калифорния.

Лос-Анджелес. Санта-Моника

Все мы зависимы от того, что доставляет нам удовольствие или, наоборот, вызывает чувство опасности.

Когда люди прыгают с парашютом — адреналин зашкаливает и дает такие острые ощущения, что хочется испытывать их снова и снова.

Когда играют в казино — это доводит до экстаза, затуманивает разум, и яркие эмоции заставляют возвращаться за игорный стол любой ценой.

Когда соединяются телами — ощущают эйфорию и чувство полета, а после испытывают постоянную потребность в них.

Стоит один раз попробовать, и уже трудно остановиться.

Но это продолжает быть удовольствием лишь до тех пор, пока не перерастает в аддикцию¹ — болезненную привычку или навязчивую потребность, что разрушает человека как личность. И тогда удовольствие становится якорем, тянущим на дно, толстой цепью, сковывающей руки, и медленной смертью, грызущей изнутри.

¹ Аддикция — зависимость, привыкание.

В начале августа я прилетел из Майами в Лос-Анджелес, чтобы приступить к работе в небольшом глянцево-м журнале, а ведь еще недавно мог только мечтать о перспективной должности в солнечной Калифорнии. Мое желание исполнилось благодаря неожиданной встрече с отцом сокурсника — Биллом Фрэнсисом. Несколько месяцев назад я участвовал в конференции юристов и случайно столкнулся с ним в бизнес-центре. Билл уже много лет занимает пост главного редактора в журнале «Мериал».

Он тогда обрадовался нашей встрече, вспоминал, как сильно я был увлечен журналистикой, а также рассказывал, что давно задумывается о смене помощника, поскольку нынешний подчиненный так и не смог завоевать его доверия. И это неудивительно! Я хорошо знал Билла — по своей природе он был излишне подозрителен и всегда сомневался в людях.

Мы тепло побеседовали, и я уже хотел попрощаться, как вдруг Билл предложил мне стать его помощником. Признаюсь, для меня это оказалось абсолютным сюрпризом. Я всегда хотел работать в журналистике и после окончания университета сотрудничал с местным изданием в Майами, но, устав от нападок матери, которая никогда не одобряла мой выбор профессии, уволился, поступил на юридический и стал работать с отцом в строительной компании. Теперь мне подворачивался случай реализовать свою мечту, и я с радостью принял предложение Билла. Но, вернувшись в Майами, снова начал колебаться и только спустя два месяца, уладив все дела дома, прилетел в Южную Калифорнию.

В шесть вечера самолет приземлился в главном аэропорту Лос-Анджелеса, и я, довольный мягкой

посадкой, покинул судно с улыбкой. Мечтая о головокружительной карьере — ну о чем еще мечтать в Лос-Анджелесе? — прошел паспортный контроль, получил багаж и в прекрасном настроении вышел на улицу.

Тогда я не задумывался о том, насколько непредсказуема наша жизнь. Плывешь по спокойной, чистой реке, предрекающей безоблачное будущее, и не подозреваешь, что в любой момент может затянуть в возникшую рядом воронку. Попадешь ли в нее — зависит от везения, а вот выберешься ли — зависит от тебя.

Среди встречающих и провожающих людей я увидел Билла, грузного мужчину в сером деловом костюме и начищенной до блеска обуви. Прислонившись к черному кроссоверу, он невозмутимо смотрел на движущуюся толпу людей и на фоне этого беспокойного движения казался огромной неподвижной статуей. Но как только заметил меня, черты его лица смягчились, и Билл, добродушно улыбаясь, зашагал ко мне навстречу.

— Ни-ик! — услышал я сквозь шум аэропорта и голоса людей. Поднял свободную руку и помахал. Через минуту Билл крепко сжимал меня в своих дружеских объятиях и хлопал по спине. — Ох, затянул! Я начал переживать, уж не передумал ли ты?

— Ну что ты, Билл! Обещал — и вот я в Лос-Анджелесе!

— Пойдем, пойдем! Сьюзен приготовила свою фирменную семгу в сливочном соусе.

Он выпустил меня из объятий, и мы направились к машине. Я помог Биллу загрузить чемодан в багажник автомобиля и устроился на переднем сиденье.

— Ну что, — забираясь в машину, начал Билл и вдруг закашлялся. Еще со времен студенческой дружбы с Джоном я знал, что его отец страдает астмой. Когда приступ прошел, Билл заговорил, все еще тяжело дыша: — Проклятая астма! Скоро осень, вот тебе и обострение всех болезней, — усмехнулся он и завел машину. — Джон тоже заждался тебя. Он в восторге от моей идеи взять тебя в журнал.

Не успел Билл вырулить со стоянки, как мы застряли в небольшой пробке.

— Придется подождать, — смирившись, он откинулся на спинку сиденья. — Сколько лет прошло, как вы окончили университет? Шесть?

— Пять, — ответил я, предаваясь приятным воспоминаниям о студенческой жизни. Мы с Джоном учились в Далласе на факультете журналистики и были лучшими друзьями. Я — из Майами, он — из Лос-Анджелеса. После учебы каждый вернулся домой, но мы поддерживали связь по телефону и в социальных сетях. Однако все реже с каждым годом. Виделись в последний раз два года назад — на встрече сокурсников в Далласе.

— Он так же работает в издательстве? — спросил я, рассматривая посаженные вдоль дороги пальмы, которые напоминали мне гигантские кисти для акварели.

— Да, в отделе маркетинга. Уж лучше там, чем со мной в журнале.

— Он рассказывал, что вы не смогли сработаться.

— А то ты не знаешь Джона! Одни развлечения в голове, да все за папин счет, — раздраженно бросил Билл. Его голос был немного осипшим, видимо, от кашля. — Почти тридцать лет, а серьезности ни в одном глазу: ни семьи, ни карьеры. Знаешь, Ник, смотрю на тебя и понимаю: за пять лет ничего не изменилось. Мой сын как

был оболтусом, волочившимся за каждой юбкой и списывавшим все задания у тебя, так им и остался.

— Но... — я немало удивился, — Джон рассказывал, что у него серьезные отношения.

— А-а, слушай его! Давно уже нет этих отношений. Теперь другие, но и в них я не верю: нет никаких чувств, кроме спортивного интереса. Ладно, время покажет, — он махнул рукой. — Ты-то почему не женат?

Я не знал, что ответить Биллу. В прошлом у меня — безответная любовь и сплошные разочарования, о которых не хотелось вспоминать. Неудачная карьера и манипуляции в семье со стороны матери. Я и сам не знал: возможно, просто сбежал от проблем и приехал сюда в надежде на лучшее будущее.

Я продолжал молчать, тем временем дорога освободилась, и мы медленно тронулись.

— Сложный вопрос? — усмехнулся Билл.

— Мне не хватает brutальной внешности и харизмы Джона. Мои веснушки не настолько привлекательны, — шутливо отговорился я.

— Да брось! Разве в мышцах и в харизме счастье. Скольким женщинам Джон жизнь испортил: поиграл и бросил. И в кого он такой уродился? Я в двадцать три года женился на его матери. Сюзен была и есть моя единственная любовь. Всю жизнь мы посвятили семье и детям. А что у сына в голове? Не понимаю!

Билл снова нажал на педаль, и мы наконец вырвались на свободную дорогу. Автомобиль мчался по широкому шоссе, а вдалеке сине-голубым глазом сверкал безграничный океан. Я приоткрыл окно и высунул руку, пропуская между пальцев ласковый ветер и наслаждаясь его свежим теплым дыханием.

Время от времени я поглядывал на Билла. Он задумчиво молчал. Я прекрасно понимал: как любой родитель, он переживал за сына, но чувство справедливости не давало оправдывать его, поэтому Билл держал боль внутри.

Вскоре мы подъехали к небольшому одноэтажному дому с двускатной крышей из красной черепицы, огороженному узорчатым кованым забором. Билл припарковал машину, а я взял чемодан и огляделся по сторонам.

Вечерело, летняя духота еще не спала, но на улице было необычайно хорошо. Над разноцветным ковром из трав возвышались яркие цветы, которые источали пряный аромат.

— Пойдем быстрее в дом. — Билл со свистом набрал воздух в легкие и громко прокашлялся. — Для меня самое плохое время года, не считая весну.

— Понимаю, дышится трудно, — кивнул я и направился за ним.

— В августе всегда так: самый жаркий месяц в году, а ведь только начало месяца. С октября уже ветра дуют и почти до самого мая.

— Катабатический ветер... Кажется, я слышал о нем.

— Он самый, Санта-Ана, высушивает всю растительность, тоже ничего хорошего. А у вас с погодой как?

— В Майами климат получше, — с улыбкой ответил я, и мы зашли в дом.

Просторный светлый холл был полностью заставлен композициями из цветов, в основном из искусственных, и это понятно, учитывая астму Билла. На меня подобная обстановка произвела двойственное впечатление:

с одной стороны, приятно зачаровывала, с другой — навевала мысли о кладбище. Я вспомнил, как прилетал в Лос-Анджелес на каникулы, чтобы погостить у Джона. Его мама занималась флористикой. Я мог часами наблюдать, с какой нежностью Сьюзен создает букеты. Джон посмеивался надо мной и пытался вытянуть на очередную гулянку, считая возню с цветами делом женским. Мне же нравилось не столько наблюдать за техникой работы флориста, сколько находиться в обществе его матери. Добрая, ласковая Сьюзен сильно отличалась от моей мамы — строгой и властной миссис Доусон. Из-за нехватки любви собственной матери я готов был просиживать часы рядом с чужой, лишь бы послушать ее мягкий, успокаивающий голос¹.

— Как видишь, ничего не изменилось, — рассмеялся Билл, заметив, как я, расположившись на диване, с любопытством оглядываюсь по сторонам.

В следующее мгновение в комнате появилась Сьюзен, а за ней влетел и сам Джон: спортивный, обаятельный и, черт возьми, такой же жизнерадостный.

— Ник! — крикнул он и бросился ко мне, перепрыгивая через небольшую тумбу, стоящую у него на пути. — А-а-а, как же я рад!

Я не успел подняться с дивана: Джон навалился на меня с объятиями и начал бить кулаком по плечу так же, как мы любили дурачиться в студенчестве.

— Оставь его, — я услышал знакомый мягкий голос. — Билл, ты только посмотри на них. Все такие же мальчишки!

¹ О сложных отношениях Ника с мамой читайте в книге «Тайны семьи Доусон».

— А ты подкачался, — не унимался он и ударил меня в твердые мышцы пресса.

— Пусти! Дай поздороваться со Сьюзен.

Я поднялся с дивана и на мгновение застыл. Передо мной стояла мама Джона, но не та молодая цветущая женщина с сияющими глазами и гордой осанкой, а постаревшая, ссутулившаяся и совсем незнакомая мне женщина. Когда-то пылающее здоровым румянцем лицо посерело, похудело и было покрыто мелкими морщинками. Не ожидал увидеть Сьюзен такой: разве можно за пять лет настолько постареть? Я сначала растерялся, а затем приглушил смятение и с дрогнувшей улыбкой обнял ее. Неожиданно она расплакалась, и мое сердце настороженно екнуло: неужели мой приезд настолько сильно взволновал Сьюзен? Вполне возможно, учитывая ее чувствительность и добросердечность, но все равно странно. Моя мама никогда бы не расплакалась по случаю приезда сокурсника. Даже когда я прилетал из Далласа на каникулы домой после долгой разлуки, мама никогда не плакала, да и не радовалась особо.

— Ну что вы! Не плачьте, — отстранившись, я пылливо заглянул в лицо Сьюзен. Хотелось понять, в сентиментальности ли дело.

— Джон, проводи Ника в комнату. Пусть переоденется, и давайте ужинать, — хмуро прервал Билл. — Ник, сегодня переночуй у нас, а завтра я покажу тебе квартиру, которую будет оплачивать журнал, — объяснил он и направился в сторону стеклянных раздвижных дверей.

— Как там Шерли? — спросил я у Сьюзен, прежде чем пойти за Джоном. Я помнил, что она была млад-

ше брата, улетела в Лондон после нашего выпускного и встречалась с парнем. — Она вышла замуж?

Сьюзен изменилась в лице и еле слышно ответила:

— Да.

Я не успел ничего добавить, так как она стремительными шагами уже направлялась к раздвижным дверям, за которыми недавно скрылся Билл.

— Ник, ты чего? — в холле снова появился Джон. — Пошли!

— Иду, — растерянно произнес я и, прихватив багаж, поплелся вслед за другом.

— Что с тобой?

Я промолчал. Из холла мы направились в узкий коридор с несколькими деревянными дверями. Джон толкнул одну из них, и мы зашли в комнату с двухспальной кроватью, комодом и зашторенными окнами. Он раздвинул плотные занавески и распахнул окно. В комнате, как и на душе, сразу же стало светлее. Но неприятный осадок от разговора со Сьюзен все еще держался. Я поставил чемодан у окна и сел на краешек кровати.

— Слушай, Джон, — я на мгновение замешкался, — что с твоей мамой?

— Ты о чем?

— Она выглядела подавленной.

— А-а, ты про это, — он озадаченно потер рукой подбородок, старательно отводя от меня взгляд. — Мама за последний год сильно сдала.

— Она больна? Что-то серьезное?

— С ней все в порядке, дело в Шерли. Помнишь, я рассказывал, что она заканчивает учебу в Лондоне и встречается...

— Конечно, помню, — нетерпеливо перебил я.

— Так вот, Шер вышла замуж и год назад забеременела. У нее произошел выкидыш. В результате обследования обнаружили серьезные проблемы со здоровьем, связанные с кровью. Лимфобластная лейкемия.

— Лейкемия? Это излечимо?

— К сожалению, нет. Ей запретили беременеть и назначили поддерживающее лечение. Как только мы узнали о ее болезни, сразу же полетели в Лондон. Связывались с разными — самыми лучшими врачами, но они не дают никаких утешительных прогнозов. Лечение может продлить ей жизнь, но сколько она протянет, неизвестно.

— Ей всего двадцать пять! — потрясенно прошептал я, вспоминая жизнерадостную и счастливую Шерли, какой я помнил ее. — Как же так?

— Да-а, — тяжело выдохнул он. — Потом у Шер началась депрессия. Она закрылась в комнате и велела нам улетать в Лос-Анджелес. Мы пытались успокоить ее, но она только кричала и рыдала. Майкл, ее муж, пообещал сам поговорить с ней. Мы вернулись домой. У отца обострилась астма, начались удушающие ночные приступы, и он вынужден постоянно принимать гормоны. Мама страдает больше всех, ты сам видел, в каком она состоянии. Почти не ест, плохо спит, только об этом и думает. Ее убивает то, что мы ничего не можем сделать.

— Почему вы раньше не знали о заболевании Шерли? Неужели не было никаких симптомов?

— Ник, болезнь протекала в скрытой форме. Мы узнали только из-за беременности. Со слов врачей, именно изменение гормонального фона и послужило

толчком. — Джон провел рукой по лицу и, устало выдохнув, облокотился о комод. — С того дня, как Шер узнала о болезни, она изменилась до неузнаваемости: то кричит, что не хочет жить, то рыдает, что не хочет умирать, говорит, что молода и жизнь только началась. Постоянно плачет в трубку, и с ней невозможно спокойно говорить. Необходимо начинать химиотерапию, но Шерли напрочь отказывается. Она превратилась в истеричку и на всех срывается. В июле мама хотела еще раз слетать к ней, но я ее отговорил. Приезд мамы только усугубит положение: Шерли лучше не станет, а мама совсем изведется.

Джон замолчал, но через минуту продолжил:

— Я не знал, что делать, позвонил мужу Шерли. Майкл был сильно встревожен, сообщил, что уже не справляется с ее истериками и вынужден показать Шер психотерапевту. Две недели назад я еще раз позвонил Майклу. Он сообщил, что она начала принимать транквилизаторы и почти весь день спит. Я предложил привезти ее к нам, в родные края, так родителям будет спокойнее, и Майкл обещал поговорить с ней.

— Мне очень жаль, что с Шерли так... — я тихо сглотнул горечь, но поднявшаяся волна негодования так и хотела вытолкнуть ее обратно. — Черт, даже не знаю, что еще сказать.

— Я тоже переживаю, но что я могу? — Джон опустил голову и замолчал.

Я задумался о том, как порой несправедлива жизнь: представил Шерли, измученную, обреченную и ожидающую своего конца в холодных стенах чужой для нее Англии. Мне стало не по себе, и я почувствовал, как неприятная холодная дрожь поползла по телу.

— Шер обожает серфинг. Она с шестнадцати лет покорила волны, но потом улетела в дождливый Лондон, — Джон грустно улыбнулся. — Ей нужно вернуться в Лос-Анджелес. Океан не спасет, но... хотя бы последние дни жизни будут счастливыми, понимаешь?

— Это замечательная мысль!

— По крайней мере, это единственное, что я могу сделать для нее. Возможно, к концу месяца мы уговорим ее приехать, когда солнце не будет таким опасным. С заболеванием Шерли оно ей ни к чему. — Джон стоял у стены, переминаясь с ноги на ногу. Он явно хотел сменить тему разговора. — Кстати, я тоже люблю посерфить, а у тебя как с этим?

— Пробовал, но без фанатизма, — коротко ответил я.

— Отец говорил, ты работал в Майами в местном журнале.

— Да, но... — я запнулся. — Последний год работал в строительной компании с отцом и поступил на юридический.

— Юридический? Ну ты даешь! Твое призвание — журналистика, ты ведь всегда этого хотел.

— Хотел, поэтому я здесь.

— Как это тебя занесло на юрфак? Добровольно бы не поступил, — не унимался он.

— Из-за матери. Ты же знаешь, ей никогда не нравилась журналистика. Своими упреками вынудила меня уйти из журнала и поступить на юридический. Я был полным дураком, что повелся на ее уловки. Ну ничего, зато благодаря юридической конференции я оказался в Лос-Анджелесе и встретил Билла. В жизни не бывает случайностей!